

3. *Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л., 1982.*
4. *Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева // Рус. лит. 1968. № 4.*
5. *Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.*
6. *Ягодовская А. Т. Образ и смысл предметного мира в романах Ф. М. Достоевского // Типология русского реализма второй половины XIX века. М., 1979.*
7. *Михайловский Н. К. Жестокий талант // Ф. М. Достоевский в русской критике: Сб. ст. М., 1956.*
8. *Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994.*
9. *Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 4. С. 135.*
10. *Иванов Вс. Родное и вселенское. М., 1994.*
11. *Пумпянский Л. В. Романы Тургенева и роман «Накануне»: Историко-литературный очерк // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собр. тр. по истории рус. лит. М., 2000.*
12. *Анненский И. Книги отражений. М., 1979.*

© Рудакова С. В.
г. Магнитогорск

СВОЕОБРАЗИЕ И МЕСТО ЛИРИКИ Е. А. БОРАТЫНСКОГО В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Е. А. Боратынскому суждено было занять особое место на русском Парнасе. Находясь в обществе блистательных романтиков, поэт сумел сохранить неповторимость своей музыки. Его талант не затмил даже чистый гений А. С. Пушкина. Репутация Боратынского как одного из больших поэтов укрепилась за ним как-то сразу, с первых выступлений. И, может быть, поэтому в одной из своих работ В. Г. Белинский вынужден был признать: «Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место бесспорно принадлежит г. Баратынскому» [1]. Насколько Боратынский был популярен в начале своего творческого пути отражает и высказывание известного литературного критика того времени В. Т. Плаксина, который, охарактеризовав лиру Пушкина и Боратынского, находил затруднительным предсказать, на чей стороне будет первенство, отмечая, что «время, судья независимый от настоящих успехов, решит, кому будет принадлежать первый венок, Пушкину или Баратынскому».

Своеобразие поэзии Боратынского выявляется из сопоставления его с творчеством его современников. Одним из близких людей и в творческом, и в дружеском плане для Боратынского был А. С. Пушкин. Общность интересов, духовное родство обусловили схожий выбор ими поэтических тем для последующей разработки. В фокусе их внимания — жизнь современника, раскрытая в драматических столкновениях со временем и другими людьми. Оба поэта стремились постичь тайну века. Однако подход к освещению интересующих поэтов «объектов» различен.

В основе пушкинской поэзии — оптимистический взгляд на человека, вера в его нравственные силы: поэт во всем искал гармонию, поэтому в его творчестве различим идеал человека. Лирика Пушкина порождена самой жизнью, поэтому не бывает отвлеченной, изъятой из общего потока явлений, ибо никогда между творчеством поэта и реальной действительностью, в которой он пребывает, не прерывается связующее начало. Это придает даже его философской поэзии особый характер, делая ее земной, близкой и понятной каждому. Пушкин не концентрирует внимание на изображении только одной стороны человеческой жизни, он пытается охватить все в целом, показать прекрасное и страшное, очаровательное и мучительное, т. е. то, что есть в мире. И дороже всего для поэта жизнь, какие бы нравственные и физические страдания она ни несла человеку: «Но не хочу, о други, умирать. Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» («Элегия», 1830).

В лирике Боратынского, для которой характерен аналитизм и доминирующим настроением становится трагедийность, дан скорее обобщенный портрет современника и подчеркнута мысль о невозможности достижения им совершенства. Боратынский в отличие от своего великого современника не способен ощутить полноту бытия, ему несвойственно гармоническое мировосприятие Пушкина, умевшего ценить каждое мгновение жизни и в горе осознающего значимость счастья в судьбе человека, и в расставаниях помнившего радость встреч. Если Пушкин идет по пути конкретизации как лирической ситуации, так и психологии лирического героя, который в этой ситуации раскрывается, то Боратынский выбирает иное — максимальное обобщение и символизацию лирической ситуации и образа лирического героя.

Творчество Е. А. Боратынского существенно отличается от поэзии Ф. И. Тютчева, хотя принадлежит той же ветви русской поэзии. Романтическое мировосприятие Тютчева, основанное на тождестве внешних и внутренних процессов, происходящих в природе и в самом человеке, наполняет его поэзию удивительной полнотой ощущения бытия. У Боратынского же такой слиянности мира мыслимого и мира природного не наблюдается. Его творческая мысль, рожденная соприкосновением с жизнью, направленная на познание окружающего мира и осмысление сущности каждого явления, способна снять тот внешний покров, который скрывает от глаз людей главное. Именно поэтому его можно назвать исследователем, чья мысль в состоянии «рассеять явления», обнажить их суть.

Образы тютчевской поэзии, слагающие яркую поэтико-философскую картину жизни, порождены мыслью. Однако у Тютчева любое его произведение есть воплощение непосредственного жизненного впечатления [2] или переживания, а философская мысль разлита во всей ткани стихотворения, являясь его составной частью, выступая лишь в качестве одной грани любого многообразного явления, остающегося в поэзии Тютчева целостным. Романтическая философия Тютчева — это «осмысление жизни в формах самой жизни». Для Боратынского же мысль представляет самостоятельный интерес, не являет собой идеальное воплощение и лишена логической развернутости, показана во всей непредсказуемости процесса развития и офор-

мления ее в сознании человека, осложненном разнообразными жизненными явлениями. Боратынский в силу необычности своего художественного видения будто просвечивает все лучом мысли, отделяя случайное, неповторимое, чтобы найти всеобщее.

Требование «поэзии мысли», все сильнее ощущаемое в литературной атмосфере 1820–1830-х гг. в России, трактуется поэтами по-разному, ибо сама потребность объективизации лирического духовного опыта у каждого художника своя. Так, П. А. Вяземскому, чье творчество также определяло общую картину поэзии этих лет, чуждо признание шеллингианской концепции искусства как высшей формы познания. Из-под пера Вяземского в силу его «погруженности» в век Просвещения, увлечения тем направлением литературы, что связано с именем Вольтера, выходят произведения, наполненные мыслью, ради точности и афористичности которой поэт жертвует порой гармонией стиха и легкостью звучания. Поэзия Вяземского рационалистична, более того, форма размышления определяет и его элегии, и пейзажную лирику, и бытовые стихотворения. Сам Вяземский отмечал тот факт, что в стихах он нередко «умничает» [3]. Боратынский не приемлет поэтической позиции Вяземского, стремившегося нарисовать образ человека своей эпохи, представленного в своей внешней жизни, при этом не затрагивая собственных скрытых сторон души, пытаясь вообще избежать создания образа «внутреннего человека», пряча данное желание за все пронизывающей иронией.

В своей поэзии Боратынский не пытается скрыть свою индивидуальность, растворив ее в антологических стихотворениях или русских песнях, как это делал А. А. Дельвиг, пытавшийся уйти от действительности, замкнувшись в пределах интимных переживаний, погружившись в область облагороженного наслаждения и изящного, предпочтя реальности мир прошлого. Главным объектом поэтического познания Боратынский избирает личный духовный опыт, при этом поэт обладает способностью взглянуть на него со стороны, поднявшись в своих обобщениях до масштабов человеческого духа, выявив при этом закономерности развития внутренней жизни человека, «исполненной тоски глубокой, противоречий, слепоты» и вместе с тем «любви высокой», «любви добра и красоты».

Боратынский один из первых лириков первой трети XIX в. доказал своим творчеством, что поэзия способна решать «коренные вопросы бытия, философски осваивать действительность: определять место человека в общей системе мироздания, глубоко исследовать его нравственную сущность, давать свою трактовку исторических процессов и т. п., то есть непосредственно вторгаться в сферы, по логике вещей подлежащие компетенции отвлеченной мысли» [4].

Расширившиеся возможности поэзии, усвоенные Боратынским, связаны и с тем, что на смену классицистическому требованию следовать авторитетным образцам приходит романтическое утверждение индивидуальной неповторимости личности, противостоящее представлению классицизма об общеобязательном строе человеческой души.

Боратынский, с первых своих произведений примкнувший к романтическому направлению, как-то сразу почувствовал неуютность провозглашенного романтиками положения об индивидуализме. С самого начала он осознавал, что замыкание на самом себе без выхода в мир людей, без потребности приобщиться вселенской гармонии чревато драматическими последствиями. И его лирический герой в «борьбе с тяжелой судьбой» познает меру «вышних сил» ценою «сердечных sudорог».

Для Боратынского исследование всего происходящего с человеком становится выходом из тупика индивидуализма, свидетельством процесса преодоления субъективности, ограниченности. И примечательной особенностью лирического мира Боратынского становится установка на исследование. Слово «исследование» в отношении поэзии применил сам Боратынский: «Две области сияния и тьмы // Исследовать равно стремимся мы». Даже в данном примере видно слияние «интеллектуального холода исследовательского объективизма и эмоционально-поэтического отношения автора к рассмотренному» [5].

Исследовательский пафос, присущий поэзии Боратынского, отмечался еще современниками поэта, однако чаще всего это воспринималось не как достоинство. Так, Белинский, считал музу Боратынского бесстрастной и холодной, ибо в его стихотворениях увидишь «ум, везде литературную ловкость, умение, навык, щегольскую отделку и больше ничего» [6]. Позже подобной позиции придерживался и И. С. Аксаков, в своем сопоставлении поэтических манер Тютчева и Боратынского приходящий к выводу, что ум Боратынского обладает «остуживающим поэзию» [7] характером.

Но это качество поэзии (ум. — *С. Р.*) Боратынского было высоко оценено Пушкиным: «Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален везде, ибо мыслит сильно и глубоко» [8].

Предметом художественного исследования Боратынского становится не весь человек как комплекс разнообразных начал, сплетение духовного и телесного, а «реальная жизнь души», включенная в конкретные социальные («земные») связи [9].

Исследование (а не просто постановка вопросов и поиск на них ответов), став основой лирического мира Боратынского, превращается для поэта в инструмент познания мира. Порой лирический герой Боратынского пытается убедить себя в том, что жизнь для него важна сама по себе, что он готов полюбить жизнь ради нее же самой, утверждая, что «мгновенье мне принадлежит, как я принадлежу мгновенью». Но возникшее чувство-мысль оказывается лишь желаемой целью, а не конечным результатом, и потому растворяется, столкнувшись с реальностью, такой осязаемой и безразличной к человеку.

Исследуя жизнь человека, Боратынский обнаруживает, насколько пагубным для него является опыт, несущий с собой «знание бытия», разрушающий все утехи жизни («Безнадежность»). Уделом опытных людей становится осознание призрачности земных мечтаний и стремление избежать новой встречи с ними, все, что им остается, — «хлад бездейственной души», состояние разочарования становится для них все определяющим.

Взглянув на жизнь не только глазами поэта, но поэта-мыслителя, Боратынский обнаруживает ее полную безнадежность, ибо чем ближе подходит человек к осознанию истины, тем более сгущается вокруг него мрак сомнения и ужаса, тем менее находит он в себе сил для оправдания собственных упований.

Свойственны душе человека и безудержные порывы к счастью; сопряженные с неудовлетворенностью земной жизнью, они становятся своеобразным гарантом ожидающего блаженства: «И сердцем постигнув блаженнейший мир, томимся мы жаждою счастья» («Дельвигу»). Однако в конечном итоге сосуществование в человеке прямо противоположных устремлений — желания постичь земной мир и приобщиться небесной гармонии — приводит к трагическому финалу. Так, в стихотворении «На что вы, дни...» воссоздается страшная картина: должны пребывать в гармоничном слиянии душа и тело находятся в состоянии немой вражды. Душа в своем развитии намного обогнала тело и, достигнув пика своего развития, вынуждена впасть в своего рода «спячку»: будущее для нее — лишь печальное повторение прежних исканий.

«Промежуточный» исторический период, когда старые воззрения ушли в небытие, а новые сердечные убеждения еще не оформились, порождает особую проблему «исторического безверия», которая занимает Боратынского — человека и Боратынского — поэта. Так, в письме к И. В. Киреевскому (февраль 1832 г.) Боратынский все более склоняется к мысли о том, что именно вера — основа нашего миропонимания, все остальное, что есть духовного в человеке, призвано быть у нее в услужении: «Не знаю, поймешь ли ты меня, но таков ход ума человеческого, исследуем для того только, чтобы доказать себе, что мы правы в нашей вере» [10]. В этом Боратынский следует за В. А. Жуковским, который в иерархии духовных ценностей на первый план выдвигает веру. Выделяя в результате «дробления души» четыре разные способности: ум, волю, творчество и веру, — высшей способностью Жуковский признает веру, ибо она — «самобытнейшая способность души человеческой: здесь наш ум смиряется, воля властвует без произвола, творчество приобретает характер созерцания, словом, все сливается в одно, в веру, в свободное предание души непосредственно открывающемуся ей Богу» [11].

Следствием подобного восприятие веры Боратынским становится рассмотрение ума как такого свойства человеческой природы, что может воссоздать предшествующее опыту и приобщить разум человека к данному ему свыше — к вере.

Примером «поэзии веры» могут служить такие стихотворения, как «В дни безграничных увлечений», «На смерть Гете», в которых благодаря обращенности поэта к первоисточку человеческого естества («вере») сильно начало оптимистическое, более характерное для поэтов, поддерживающих философскую концепцию Шеллинга и вслед за ним проповедующих слиянность ожидающих человека противоречий в будущем, по предречению Д. В. Веневитинова, должную состояться в примирении мысли с миром [12]. В этих

стихотворениях не только в форме, но и в глубинном содержании Боратынский выступает истинным последователем «школы гармонической точности», пытаясь поэтически-философски гармонизировать описываемый им мир. Проводником подобной гармонии, несущей согласие в жизнь, наполненную «безграничными увлечениями», «необузданными страстями», становится для поэта поэзия.

Но, с другой стороны, в письме к Киреевскому (июнь 1832 г.) Боратынский определяет ведущее нравственное настроение своего поколения — эгоизм, заявляя: «Поэзия веры не для нас <...> Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм — наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себя. Вот покамест наше назначение» [13].

Потому предназначение поэзии представлялось Боратынскому не в проповеди чистого искусства, а в том, чтобы «изведать, испытать» всего человека, выявив всю гамму его душевных мучений, определив «бездну» его отчаяния и духовных сомнений, установив, насколько он далек от исконного идеала гармонии. И такое проявление «раздробительного ума» [14], когда беспощадному анализу подвергается все, попадающее в фокус внимания поэта, приводит Боратынского к «духовной трагедии», ибо умственные положения (доказательства — аргументы) он пытается отыскать в самой вере, стремясь объективно установить наличие «бытия Божьего» [15].

Боратынским ощущается назревающая в обществе потребность «новой веры», противопоставленной бытующей в обществе «поэзии индивидуальной», чье торжество обусловлено исторически сложившимся состоянием «безверия», «разуверения». Это и заставило поэта в 1832 г. в письме к П. А. Вяземскому открыто заявить: «Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрело».

В его творчестве благодаря поэтическому исследованию складывается общая картина жизни, определяющее настроение которой — убеждение в роковой скоротечности земного бытия человека («Безнадежность», «Уныние», «Две доли», «Истина», «Череп»). Соотношение жизни и смерти подводит поэта и его лирического героя к осознанию того факта, что «абсолютная истина о жизни есть смерть» [16].

Не только вековые, «проклятые» вопросы волнуют Боратынского, сложнейшему анализу подвергается самое важное чувство человека — любовь, это чувство воспринимается как процесс. Любовь в поэзии Боратынского теряет свою традиционную «нерасчлененность». Более того, любовная лирика поэта не воспевание любви как чувства, возносящего человека к эмпириям свободного духа, а посвящение «нелюбви». Затухание, отказ от любви, от самой способности любить — вот что лежит в основе лирики Боратынского. Поэтому многие любовные элегии поэта строятся по принципу античных трагедий, в которых основным моментом воздействия на человека был катарсис. Лирический герой Боратынского, пройдя через страдания, приходит к нравственному очищению, освобождению от мучительных иллюзий, к «воскрешению», хотя и печальному.

Но в поэзии Боратынского не только автор выступает исследователем, изучением мира и себя в нем занимается и его лирический герой. Ярким примером этого может служить «Отрывок», где лирический герой и его возлюбленная постигают Божий мир, одновременно пытаясь разобраться в собственных чувствах и переживаниях. Героиня, погрузившись в пучину страшных сомнений, что одолевают ее возлюбленного, ощутив на себе его «душевный ад», раскрывает подлинную трагедию человеческого духа, выявляя важнейшую причину этого — стремление провести любое положение через систему доказательств.

Осознавая, что постоянное преобладание анализа внутреннего состояния над непосредственностью выражений чувств нарушает гармонию человеческого пребывания на земле, что пред «нагим мечом» мысли «бледнеет земная жизнь», поэт уже не в силах отказаться от философских обобщений, не в состоянии скрыть от других и от себя самого тягу к размышлениям, стремление во всех явлениях, преподносимых судьбой, видеть проявление общих законов бытия.

Другим немаловажным моментом, определяющим своеобразие поэзии Боратынского, является то, что в ней происходит отождествление поэтического дара и рефлексии. То, что для Жуковского представляется «гармонией святой», для Батюшкова — «счастливой мечтой», а для Пушкина — «пиром воображенья», для Боратынского становится мучительным уделом. «Художник бедный слова» («Все мысль, да мысль...») наделяется способностью острее воспринимать окружающий мир, более чутко на него реагировать, но все это приводит к разрушению спасительных иллюзий, делая недостижимыми для него минутные земные радости.

Всем своим творчеством Боратынский доказал, что анализ не есть нечто чуждое поэзии, а, напротив, может стать ее основой. Его «раздробительный» анализ не убивал поэзию рассудочностью, скорее выявлял, обнажал ее суть, донося до читателей. Подобное погружение в глубины человеческого духа, предпринятое Боратынским в поэзии, в будущем будет продолжено Ф. М. Достоевским, но уже в прозаическом ключе. Обращенность к неизведанным тайнам души человеческой сближает поэта и писателя, одинаково остро интересовавшихся противоречивостью душевных процессов.

Примечания

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 6. С. 47.
2. И. С. Тургенев, писавший о Тютчеве, отмечал, что все его стихотворения «кажутся написанными на известный случай, как того хотел Гете», см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 2. Л., 1961. С. 424.
3. *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 105.
4. *Лебедев Е. Н.* Романтизм Боратынского // История романтизма. М., 1988. С. 66.
5. *Бочаров С. Г.* «Обречен борьбе верховной...»: (Лирический мир Боратынского) // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 92.
6. *Белинский В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 325.
7. *Аксаков И. С.* Биография Ф. И. Тютчева. М., 1886. С. 107.
8. *Пушкин А. С.* Собр. соч. М., 1962. С. 368.

9. Лебедев Е. Н. Указ. соч. С. 67.
10. Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988. С. 155.
11. В. А. Жуковский — критик. М., 1985. С. 178.
12. См. об этом: Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М., 1978. С. 354.
13. Баратынский Е. А. Указ. соч. С. 245–246.
14. «Чем больше вижу с Боратынским, тем больше люблю его за чувства, за ум, удивительно тонкий и глубокий, разробительный» (письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу) — Остафьевский архив. Т. 3. С. 117.
15. Значению теодицеи в творчестве Е. А. Боратынского посвящена работа Е. Н. Лебедева «Е. А. Боратынский и духовные искания русской лирической поэзии XVIII — первой половины XX века». М., 1994.
16. Лебедев Е. Н. Указ. соч. С. 74.

© Сильченко Г. В.
г. Ишим

ИДЕЯ ЦИКЛИЧНОСТИ КАК ЭТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА «ПУТЕВОГО ЦИКЛА» П. П. ЕРШОВА «МОЯ ПОЕЗДКА»

Лирический «путевой цикл» Петра Павловича Ершова «Моя поездка» представляет собой знаменательное явление в русской литературе первой половины XIX в. Созданный в 1840 г., он органически входит в контекст литературной эпохи: 1830–1850-е гг. проходят под знаком активного развития циклов, в том числе «путевых» [1]. При жизни автора цикл не был опубликован, но и дальнейшая издательская судьба данного произведения оказалась сложной. В советские времена из цикла, который составляют 10 стихотворений, было опубликовано лишь 6; оставшиеся 4 стихотворения, в силу своей религиозной направленности, шли в разрез государственной идеологии и на долгое время остались недоступными простому читателю. Следует отметить, что частичная публикация заметно искажала идейное содержание произведения, разрушала целостную концепцию автора. Полная публикация «путевого цикла» была осуществлена известным исследователем творчества поэта В. П. Зверевым в 2005 г., она явилась замечательным подарком к 190-летию со дня рождения П. П. Ершова. Данная публикация позволила непредвзято взглянуть на произведение поэта, она открыла совершенно новые грани творческой индивидуальности сибирского автора.

Цикличность представляет собой одну из широко распространенных философских категорий, которая проникла во многие сферы общества (от политики до искусства). В основе данного понятия лежит представление о том, что общество в целом или его отдельные сферы «движутся по замкнутому кругу с постоянным возвращением вспять, к исходному состоянию, и последующим новым циклам возрождения и упадка» [2]. Данная концепция оказалась широко востребованной в сфере литературного творчества, результатом этого явилось возникновение особой жанровой формы — ли-